

НАКАЗАЛА, МАМА?

ШКОЛА-ИНТЕРНАТ

«СЕМЬЯ» ЗАМЕНЯЕТ СЕМЬЮ

О событии «приметы» этой школы видны сразу. Вот у порога суетливо толчется помятого вида мамаша: недавно вернулась из мест заключения.

На лестнице воспитательница, остановив бегущего по ступенькам школяра, напоминает ему: «Обязательно собери одежду — сейчас будут стирать». А в это время в приемной на стол секретаря ложится очередная «весточка»: люблю тебя, сынок, скучаю — отзвуки запоздало проснувшегося материнского инстинкта. Девочка спешит к социальным педагогам с повесткой в суд, доставленной на вахту. Скоро для бывшей бродяжки, в 15 лет прибывшей в 6-й класс, решится вопрос о возврате жилья, пропитого родителями...

Это лишь несколько эпизодов из обыденной жизни школы-интерната «Семья», разместившейся на улице Дружбы. Ее юные хозяйки, в отличие от большинства своих сверстников, отправляющихся после уроков домой, проводят здесь дни и ночи, месяцы и годы. Неофициально «жилая территория» именуется «домом детства». Волею судеб под его крышей нынче собрались 175 мальчишек и девочек. Всех их можно назвать братьями и сестрами по несчастью. При этом только 45 из них — круглые сироты, у большинства же — статус сирот «социальных», чьи матери и отцы лишены родительских прав либо отбывают наказание в местах лишения свободы...

При схожести судеб каждого ребенка свой жизненный опыт. Для одних сиротская доля началась в детстве. Другие, а в последние годы их становится все больше, поступили из приюта, а то и прямо с улицы. Не удивительно, что практически в каждом классе за партой сидят дети-«переростки». Иному в пору осваивать профессию, а за плечами — начальная школа. К таким, поясняет заместитель директора по учебно-воспитательной работе Тамара Васильевна Аглиуллина, подход особый: их обучают по сокращенной программе. Случается, «переростки» покидают стены интерната и в 19 лет.

Без преувеличения, в интернате ребенок становится членом «семьи»: дети разных возрастов живут вместе по 7-8 человек. Сейчас здесь уже 25 таких «ячеек общества». Вместе с заместителем директора по воспитательной работе Клавдией Ивановной Бояркиной мы направляемся в одну из «квартир». По замыслу педагогов в быте «семьи» должна царить домашняя атмосфера. Здесь есть кухня, где можно разогреть еду, а при желании в воскресный день вместе с воспитателем настрять кулинарные изыски. Рядом столовая, где «семья» собирается за обеденным столом. Есть комнаты для занятий и отдыха, спальни. Постоянно рядом с детьми их «родители»-воспитатели. Именно у них ребята набираются жизненного опыта. Уже с первых дней воспитанников приучают к дисциплине и самостоятельности. Умеют дети и полы мыть, и одежду постирать, и экономно распорядиться пятьюдесятью рублями, которые каждый месяц получают на карманные расходы. У этих ребят уже сейчас есть возможность заработать свои трудовые деньги на ремонте школы, на сборе ягод и яблок в лесхозе...

Детям, не знавшим настоящего дома, в интернате уютно, тепло и сытно. Кстати, по новому правительственному постановлению воспитанникам ролагается семь пар обуви на год, а зимнюю одежду они будут носить уже не три, а лишь два сезона...

Однако попадают дети, которым не интересны ни учеба, ни труд, ни занятия в кружках и секциях — печаль прошлого. Встречаются дети-токсикоманы и даже наркоманы. Есть и особая когорта, которая везчески сопротивляется «семейному» укладу. Третий год в бегах Слава. Скоро ему исполнится 17, а он все числится во втором классе. Говорят, Слава «колется», а его младший брат погиб от передозировки... 15-летняя Катя в этом году попала в СИЗО, ее младшая сестренка при живой маме сейчас в детском доме... Эдик недавно осужден за кражу, в колонии ему предстоит провести 4 года... Артур, тоже из беглецов, в прошлом году «сел» на пять лет... Поведению этих детей педагоги пытаются найти оправдание: для них привычная среда обитания — улица.

Как и в любой школе, в «Семье» есть свои «звездочки»: дети успешно учатся, поступают в колледжи, вузы. В этом году все двадцать пять выпускников интерната получили «путевку» в жизнь. Пока за них педагоги спокойны. Но что будет дальше? Есть такой факт: двое выпускников, три года назад «пристроены» в училище, сейчас отбывают срок в ИТК.

Нельзя сказать, что ребята выходят из стен интерната в никуда. Большинство из них ждет собственное жилье. Гораздо труднее бесквартирным сиротам: их законные права на получение жилья, за редким исключением, не соблюдаются...

Один из торжественных моментов для выпускников интерната — получение сберегательных книжек. На протяжении нескольких лет на счета ребятшек поступают «сиротские» пенсии и небольшие алименты. У некоторых за это время «набегает» до двадцати тысяч рублей.

Педагоги-«старожилы» рассказывают, что в самом начале, почти сорок лет назад, интернат был «обителью» для сирот и детей из многодетных, неполных семей. Да и жизнь была иной... Хранитель истории интерната Елена Дмитриевна Косоропова, работающая здесь с первых дней, часами может говорить о выпускниках прежних лет: большинство из них обзавелись семьями, получили хорошие профессии. Среди бывших воспитанников — врачи и учителя, рабочие и руководители, музыканты и военные.

Многие помнят свой «Дом детства». Не проходит дня, чтобы кто-то из «оперившихся птенцов» не заглянул бы в «Семью». Приходят и добрые весточки из других городов. Но есть и те, кто напоминает о себе иным образом: как это ни печально, сегодня здесь можно встретить и детей бывших воспитанников интерната...

В нашем городе только в нынешнем году 135 детей в возрасте до трех лет были оставлены мамами в родильных домах, больницах, просто на улице...

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Я не помню, как попала в детский дом. О первых годах своей жизни знаю по рассказам и документам...

Держи меня, СОЛОМИНКА

Говорили, что мать не раз бросала меня на улице со словами: подожди, я скоро приду. Я часами ждала ее. А потом милиционер возвращал меня домой. В семье нас, детей, было пятеро, я — младшая. Когда мать лишила родительских прав, меня направили в детский дом, а старших — в интернат. Что я помню из того времени? Лишь плохое. Может, потому что плохого было больше, чем хорошего. Когда по ночам мы таскали хлеб из столовой и «попадались», нас сурово наказывали: как кутят, с головой «мочили» в ванне. А как нас только ни крестили: паразиты, нахлебники, идиоты...

Потом меня перевели в школу-интернат. Брат как раз оканчивал его. Он дал мне напутствие: выживи и выучись. Здесь меня любили, потому что я была маленькой очаровательной с острыми глазками и симпатичными кудряшками. Старшеклассники подбрасывали меня на руках. Мне нравилось это чувство полета. Воспитатели даже побаивались за меня — не дай бог, уронят.

Помню, как однажды появился отец, в очередной раз вышедший из ЛТП. Он водил меня по магазинам, покупал сладости. Какое это было счастье! Отец пообещал, что скоро обязательно приедет и заберет меня. Он так и сказал: жди, родная! Приходила и мать, тоже говорила: «Побудь здесь еще, потерпи». С этой надеждой я и жила: терпела, ждала.

Когда я узнала от сестры, что мать умерла, у меня было странное чувство. Я не воспринимала ее смерть как потерю близкого человека. Да, было неприятно, как неприятно узнать о любой смерти...

Из головы никогда не выходила мысль о том, что моя мать сильно пила. Я заметила эту наследственную тягу у своей сестры. Муж от нее в конце концов ушел, забрав ребенка. Она по-прежнему была в запое. Потеряла квартиру, работу... Для меня это было грозное предупреждение. Я ни разу не пробовала спиртного. И знаю точно, что никогда не буду пить.

Выйдя из интерната, я поступила в колледж, а затем в университет. Вышла замуж за любимого человека — он, как и я, сирота. У нас маленькая дочка. Живем в общежитии. И хотя муж сейчас тоже учится, мы работаем и сами обеспечиваем себя.

Если бы меня спросили: что давало мне силы в жизни? — я ответила бы так: хотелось доказать себе и всем вокруг, что на интернатских детях не нужно ставить крест. Да, многое было трудно, сложно. Но мы нашли свой путь в жизни.

Надежда.

БОЛЬШИЕ БЕДКИ

ба воспитанников сиротских заведений в большинстве случаев predetermined: из заботливых рук «мам» дома ребенка они перейдут под опеку детских домов, школ-интернатов. Те, кто страдает тяжелым недугом, проведут свою жизнь в специализированных учреждениях для инвалидов. Словом, сиротская доля.

... При появлении редких посетителей Анжела первой поднимается навстречу гостям. В отличие от многих других «братьев и сестер» по дому ребенка она общительна и любознательна. Крохотными ручками малышка изучает мой диктофон — единственную «игрушку», оказавшуюся у меня с собой, пылливо заглядывает в глаза: что за новая тетя? Странно видеть это маленькое очаровательное создание, семенившее рядом. Девочке уже годик, но она весит всего шесть килограммов. И несмотря на все усилия воспитателей, Анжела не может набрать полагающийся по ее возрасту вес, потому что у нее — серьезное заболевание печени. Эту малышку нашли при дороге в Верхнеуральском районе. С трудом определялся ее возраст — возможно, месяца три — настолько она была крохотна и слаба.

А вот ее сиротница Вика, может, и рада бы подбежать к новому человеку, но не способна даже сосредоточить на нем взгляд: синие глазки лишь блуждают по окружающим. Мама Вики погибла в автокатастрофе. Сама девочка после перенесенной черепно-мозговой травмы чудом осталась жива...

Что больше всего поражает в этом учреждении, где живут одновременно до пяти десятков совсем маленьких детей — тишина. В семьях, бывает, и один ребенок «дает жару» всем домочадцам, а здесь

ребятишки плачут лишь, когда хотят кушать или заблевают. Уже в год с небольшим они умеют, нет, не играть самостоятельно, а быть тихими и сосредоточенными в себе.

Это их беда: дети начинают ходить не раньше чем в год и три месяца. В дальнейшем у большинства из них нарушена речь. Сказывается недостаток внимания. Это в семье мы инстинктивно берем ребенка на руки и уже одним этим даем им новые ощущения и впечатления. Тут, как бы ни был велик штат дома ребенка и как ни заботливы воспитатели, нет возможности дать каждому маленькому человеку полноценную материнскую ласку. А ведь именно с нее начинается для малыша познание окружающего мира.

Тут идеальная чистота, а из забав много такого, чего не увидишь в иных семьях: диковинные игрушки, мягкие манежи и горки. Дети накормлены, ухожены. За каждым из них «прикреплена» только его «мама» из числа работников учреждения, которая при малейшей возможности приходит к «своему» малышу, чтобы подстричь ему ноготки, помассировать тельце, просто поговорить с ним и даже чуточку побалавать. На большее, конечно, времени не хватает.

Не трудно понять, что такая «дозированная ласка» — вовсе не результат малой любви женщин к своим питомцам, а, скорее, требование суровой реальности: неминуемый разрыв с «мамой» не должен нанести ребенку психологической травмы. Правда, случалось, и работницы учреждения так «прирастали» к детям, что усыновляли их. Не всех, каждого сироту, навсегда приютить в своей семье, увы, невозможно. Ведь каждый год сюда поступает до полусотни «грудничков».

... Летом случалось видеть, как малыши во время прогулки окружали щенков Жульки, симпатичной собачки, охраняющей покой дома ребенка. Каждый хотел бы дотронуться до пушистого комочка. И хотя собачьей маме не очень нравился повышенный интерес к ее отпрыскам, она не осмеливалась даже повысить «голос», словно понимала: сирот обижать нельзя...

Эх, жулькин бы материнский инстинкт да некоторым человеческим мамам!

А мама осталась в России

Не зря говорится: мир не без добрых людей. Каждый год десятки сирот из детских домов и домов ребенка нашего города обретают новые семьи за рубежом. Сколько их по миру наших Манечек, которые стали Мари, Димочек, которых теперь называют Бенинамими, Ванюшек, ставших Джонами? Хочется верить, что они будут счастливы на своей новой родине — во Франции, Америке, Испании, Италии... Вот только жаль, что они, российские по рождению, свое первое слово «мама» так и не произнесут по-русски.